

ДИСКУССИИ В ДИСЦИПЛИНЕ: БЫВШИЙ СССР

Голоса молодых: новые академические вызовы

Что же такое «гендерные исследования чего бы то ни было»? Круглый стол (24 октября 2009 года, Форос, 13-я Международная Школа по Гендерным Исследованиям «Гендерные исследования: возможности для новой политической антропологии в бывшем СССР»)

Модератор – Дмитрий Воронцов

Дмитрий Воронцов: Я хотел бы сначала задать некоторый формат, поскольку круглый стол – это не совсем дискуссия, как мне представляется. Круглый стол я хочу провести в следующем формате. Каждый из нас имеет какую-то точку зрения в отношении того, кто и чем занимается. Значит, мы можем высказать некоторые позиции. Обсуждать эти позиции с точки зрения их истинности или неистинности, – не есть предмет круглого стола, это – предмет дискуссии. Поэтому я бы хотел, чтобы мы просто отнеслись каким-нибудь образом к той модели обсуждения гендерных исследований чего бы то ни было, чтобы это послужило основанием для высказывания каких-то личных позиций. В принципе, устраивает такой формат?

Голос из зала: «Да!»

Дмитрий Воронцов: Ведь дискуссия – она предполагает некоторый спор. Говорить-то мы будем о следующем: я задам такую тему обсуждения – о положении дел в гендерных исследованиях, о внутреннем их состоянии. На обсуждение этой темы меня, собственно, подвигла Ольга Плахотник, поскольку когда-то в дискуссионной рассылке ХЦГИ она вопрошала, как одинокий человек в пустыне: дайте же мне, в конце концов, определение тому, что есть гендерные исследования, а что не есть гендерные исследования?! Этот вопрос возник в контексте спора, который был поднят участниками рассылки еще в прошлом

году – в отношении того, считать ли весь тот вал из около трех тысяч, если не ошибаюсь, диссертаций, которые были сведены в некоторый компендиум Харьковским гендерным центром, собственно гендерными исследованиями, или же слово «гендер» в названии этих работ является чисто номинативным? И возникла дискуссия о том, что есть какие-то «настоящие» гендерные исследования, а есть какие-то «псевдогендерные» исследования, которые не имеют никакого отношения, по сути, к тому, чем занимаются, например, вот в рамках феминистской теории. Вот эта проблема, поставленная Ольгой Плахотник, заставила меня задуматься: действительно, почему люди, которые утверждают, что они занимаются гендерными исследованиями, на самом деле занимаются совершенно разными вещами? Соответственно, нужно было обратиться, на мой взгляд, к самой истории возникновения этого термина, поскольку именно в ней, как мне кажется, и коренится полярность точек зрения.

Во-первых, нужно определиться с тем, на мой взгляд, как используется слово «гендер», поскольку в научном дискурсе слово может использоваться, во-первых, в качестве некоторого *термина* (а как мы знаем, термин – это уточняющее слово, выделяющее некий аспект реальности; и это один из подходов к употреблению слова «термин»), то есть выделение некоторого существенного признака, который кажется исследователю главным в некотором объекте исследования. Слово «гендер» может быть просто широким *понятием*, которое включает в себя отдельные аспекты реальности, объединенные некоторой общей идеей. И, наконец, слово «гендер» может быть некоторой объяснительной *категорией*, имеющей универсальное значение, позволяющей объяснить, например, всю социальную систему отношений с точки зрения, допустим, отношений доминирования и подчинения некоторых субъектов. В этом смысле слово «гендер» является категориальным словом в известной пятерке социологических категорий: этнос, возраст, класс (или социальная страта) и гендер. То есть эти понятия позволяют описать широкий контекст явлений.

Что такое гендер как термин? Если мы вспомним историю его возникновения, то, собственно говоря, в научный оборот термин «гендер» был введен (именно как широкоупотребительное слово, а не редко встречающееся в социальных и психологических исследованиях) психоаналитиком Робертом Столлером. Эта версия проникновения слова в социальное знание стала уже своего рода клише в истории современной науки.

Это слово, несомненно, использовалось и другими людьми. Например, до Роберта Столлера, как указывает Наталия Пушкарева, этот термин встречался в теории психологического пола Джона Мани – психоэндокринолога. Этот ученый, собственно говоря, тоже использовал слово «гендер» в своих работах, но не широко, а вскользь – для обозначения одного из аспектов сексуальности. Поскольку исследования транссексуальности, которыми занимались и Мани, и Столлер, предполагали объяснение некоторых вещей, которые не могут быть

объяснены с точки зрения биологической концепции пола: а именно – как возможна транссексуальность с психологической точки зрения, если мы не выделим в сексуальности некоторый социокультурный аспект? Вот, собственно говоря, выделение социокультурного аспекта в биологическом поле и послужило тем толчком к введению нового термина, который в этом отношении вполне отвечает своей этимологии. Если исходить из истории внедрения этого слова в науки о человеке, то термин «гендер» в рамках биоэволюционного объяснения сексуальности является вполне нормальным, применимым и корректным обозначением некоторого аспекта сексуальности. Слово «пол» вполне может быть заменено словом «гендер», если мы, допустим, хотим указать на его социокультурное значение, то есть значение, которое пол и сексуальность приобретают в контексте взаимоотношений или общения между людьми. В этом смысле и структурно-функциональная теория половых ролей Парсонса и Бейлза вполне могла бы быть переинтерпретирована (с учетом того, что эта концепция сформировалась до проникновения термина «гендер» в социальные науки) как гендерная ролевая теория. Дальше эта идея развивается в психологической концепции андрогинии Сандры Бем, в которой, по большому счету, нет таких уж строгих запретов на использование термина «гендер» для обозначения некоторых половых характеристик, которые встречаются в контексте социального взаимодействия. И если это бы все так же дальше и двигалось в таком же направлении в историческом контексте, то, я думаю, вот те гендерные исследования, в отношении которых со стороны феминистски ориентированных исследователей возникает такое противодействие, они были бы и остались такими по своему содержанию. Проблема возникла тогда, когда введенный в психологический, прежде всего, оборот термин был наделен категориальным значением. Придание термину «гендер» категориальной функции произошло в рамках академического феминизма. И в этом течении слово «гендер» имеет совсем другую историю становления. Подчеркивание некоторых социальных аспектов сексуальности давало феминистскому движению некоторую методологическую возможность научного объяснения существующего неравноправия в отношениях между мужчинами и женщинами. И введенный Столлером термин начал в феминистской концепции функционировать совершенно автономно от той традиции, которая была заложена в биолого-эволюционном подходе. При соединении идеи отдельности или «вычлененности» социокультурных аспектов пола с принятым в академическом феминизме методологическим положением о социальном конструировании реальности, с этнометодологией Гарфинкеля и символическим интеракционизмом термин «гендер» стал приобретать категориальные характеристики, позволяющие нам объяснить не просто отдельные аспекты сексуальности, а описать всю социальную реальность как структурированную вокруг некоторого критерия, связанного с полом. Пол при этом понимается только как социально сконструированный, а не биологически детерминированный феномен. Возникает

параллельное течение. Два течения в гендерных исследованиях в сегодняшнем виде фактически, как представляется, не имеют ничего общего между собой, кроме как слова, объединяющего их. Причем, слова, на которое они смотрят под совершенно разным углом зрения. Споры, которые ведутся о том, какое употребление понятия является истинным, или какое является первичным [для гендерных исследований], являются абсолютно пустыми. В каком отношении? Дело в том, что феминистская теория, положившая гендер в качестве [базовой социальной] категории, не является ни его изобретателем, ни тем единственным основанием, которое только и позволяет развивать эту категорию. Феминистская теория просто пользуется этим понятием наряду с другими научными школами и направлениями. Феминистское использование слова «гендер» является своего рода ответвлением в развитии понятия. Как известно из лингвистики, при одновременном существовании двух и более сфер употребления одного и того же слова, при одновременном существовании разных практик употребления, разных содержательных значений и функций одно и того же слова между ними неизбежно складывается некоторое взаимодействие, приводящее, как нередко полагают, к размыванию предметного поля. Но, в то же самое время, это же можно рассматривать и как развитие (а не только лишь размывание) смыслового значения, поскольку если открыть любой словарь, то мы увидим, что одно и то же слово может иметь до десятка значений, указывающих на то, в каком контексте оно может употребляться в том или ином значении. Соответственно, вывод, к которому я пришел в результате написания своей статьи, состоит в следующем (я и хотел бы его сейчас обсудить): нет, на мой взгляд, никаких проблем в плане определения истинности или неистинности гендерных исследований. Проблема заключается только в том, в какой методологии используется это понятие. Если в качестве методологического основания берется биолого-эволюционная концепция пола и сексуальности, в таком случае термин «гендер» является здесь вполне обоснованным (а исследование также является гендерным), но это должно быть прописано и отрефлексировано самим исследователем, что он пользуется (или она пользуется) этим термином в этой парадигме – биолого-эволюционной. Что здесь речь не идет о социальном конструировании, о властных отношениях, но о том, что у пола и сексуальности есть социальное измерение, социальное отражение и т.п. Или же это может быть феминистская концепция, то есть так называемая гендерная теория, которая должна в таком случае «прописываться» в разделе теоретико-методологического обоснования исследования именно как гендерная (феминистская) теория, опирающаяся на известные «три кита»: социальный конструктивизм, этнометодологию и символический интеракционизм, а также, соответственно, на учет властного измерения системы социальных отношений, что полностью отсутствует в биолого-эволюционной трактовке термина «гендер». Если все эти характеристики гендерной (феминистской) теории методологически будут отрефлексированы и прописаны, озвучены, артикулиро-

ваны автором любого исследования, то, таким образом, это противопоставление, на мой взгляд, будет снято. То есть возникает ответ на поставленный вопрос: гендерное исследование чего бы то ни было может быть как исследование отдельных социальных аспектов пола и сексуальности в биологической парадигме, так и, соответственно, это может быть исследование категориального плана, то есть исследование, больше опирающееся на социальный анализ. Вот в целом краткое содержание статьи, которую я хотел бы вынести на обсуждение. Какие будут в таком случае возражения или мнения по этому поводу?

Ольга Плахотник: Можно вопрос? Вот то, что вы называете «биолого-эволюционным подходом», это может быть реализовано только в психологических науках? Можете ли вы привести пример, как он может быть реализован в каких-то других науках? Ну, например, в социологии или истории?

Дмитрий Воронцов: В социологии (да и истории) он реализуется в полоролевой концепции.

Ольга Плахотник: То есть это то, что можно назвать полоролевым подходом?

Дмитрий Воронцов: Совершенно верно. Просто сам термин «гендер» был введен не социологами, а психоаналитиками в процессе анализа транссексуальности для различения биологического и социального в поле, а в социологии использовался общепринятый тогда термин «пол».

Ольга Плахотник: Тогда у меня встречный вопрос. Действительно, наверное, нет большой беды в том, что люди называют одни вещи... нет, разные вещи называют одним и тем же словом. Но ведь у них получаются противоположные выводы, и есть проблема практической реализации этих выводов, когда из гендерных исследований вытекают абсолютно противоречащие друг другу практические рекомендации.

Дмитрий Воронцов: Совершенно верно, получаются! Дело в том, что если мы хотим придать гендерным исследованиям академический статус в качестве некоторой научной дисциплины, то сразу возникает вопрос о том, что любая научная дисциплина может выстраиваться на разных теоретико-методологических основаниях. Вот есть, например, физика, основанная на одних основаниях (Ньютон), и есть физика, основанная на других основаниях (Эйнштейн). Результаты этих физических исследований не всегда могут совпадать, они могут друг другу противоречить. То же самое и в отношении биологии. В ней может быть эволюционный подход, но в ней может быть и неэволюционный подход. Поскольку все мы знаем эту проблему опосредующего звена в эволюционном переходе от обезьяны к человеку: а, может, его вообще нет? Это познавательная установка исследователя, что существует некая эволюционная линия развития. Исследователь сначала дает методологическое описание своего исследования, в котором объясняет, что позволяет ему писать о возникновении человека из обезьяны вот таким вот образом, а не иным. Когда мы говорим о гендерных ис-

следованиях, тогда и возникает вопрос, что гендерные исследования могут быть разными, они могут иметь разные, по своему выходу, результаты, и проблема заключается лишь в том, как объясняет эти результаты тот или иной автор исследования. Но они являются представителями одного предметного поля.

Ольга Плахотник: А разве гендерные политики могут быть разными в рамках одного предметного поля?

Дмитрий Воронцов: Судя по вопросу, поднятому сегодня днем Светланой Шакировой в отношении книги *Деконимализация гендерные эпистемологии* (кажется, так называется), то вполне могут быть. Ведь возникают сегодня такие понятия, как «исламский» феминизм, «православный» феминизм, можно и любой другой феминизм придумать, поскольку тут вопрос заключается в том, что понимается под феминизмом, поскольку, например, борьба женщин за право ношения хиджаба или паранджи тоже может быть названа правом женщины в этой культуре...

Ирина Соломатина: Но это же всего лишь вопрос интерпретации!

Дмитрий Воронцов: Правильно! Но гендер как социальная характеристика биологической сущности в полоролевой концепции или гендер как самостоятельная социальная категория в академическом феминизме – это тоже интерпретации. Вопрос только в том, что люди могут не отдавать себе отчет, на каких позициях они стоят, интерпретируя то или иное явление. А то, что разные интерпретации гендера будут называться «гендерное исследование» – это не есть проблема, на мой взгляд. Проблема именно в методологической рефлексии того, какое место именно вы занимаете в гендерных исследованиях.

Светлана Шакирова: А вы разделяете определение гендерного подхода в исследованиях, которое дала Ольга Воронина в своих работах?

Дмитрий Воронцов: Ну, эта ее точка зрения, как мне показалось, связана, прежде всего, с политическим аспектом научной деятельности. В академическом институте развивается некоторая дисциплина, точнее даже направление в дисциплине, которое хочет некоторых преференций внутри классического знания. На мой взгляд, здесь есть некоторая аллегория с ситуацией, которая имеется в психологии и психиатрии в отношении психотерапии. Понимаете, психотерапия – это, прежде всего, лечение словом. Но если делать акцент на слове «терапия», тогда возникает мнение, что это медицинская практика. Но в ней нет никаких, точнее, по определению не должно быть никаких фармакологических воздействий. Например, во многих европейских странах психотерапия по закону является психологической практикой внутри психиатрии. В нашей же стране, например (ну, и вообще в постсоветских странах), возникает практическое «раздирание» этого пространства: кто кого «передерёт». Это вопрос финансирования, вопрос ресурсов, чтобы «перетянуть» некоторое слово в какую-то свою парадигмальную область. То же самое и в отношении Ольги Ворониной, по всей видимости: тут стремление монополизировать гендерные исследования, придав гендерной

теории вот этот статус «высшей» теории. Как по Марксу: физиология человека является ключом к физиологии обезьяны. Так и здесь: якобы только феминистские гендерные исследования позволяют адекватно объяснить, что такое гендер (или что им должно быть) во всех других отраслях знания.

Светлана Шакирова: То есть вы не против того, чтобы все, «кому ни лень», занимались гендерными исследованиями?

Дмитрий Воронцов: При одном условии! При условии, если они четко артикулируют свою методологическую позицию в этом предметном поле.

Светлана Шакирова: А если они ее не артикулируют?

Дмитрий Воронцов: Тогда это вопрос их научной компетентности. Если они ее не артикулируют, то, что они делают, не будет наукой.

Светлана Шакирова: То есть можно использовать и «пол», можно использовать и «гендер» при описании одного и того же явления в одном и том же исследовании?

Дмитрий Воронцов: Совершенно верно. Можно использовать «гендер» и «пол» как синонимичные понятия, выделяя в них только терминологические аспекты. Тогда ученый должен просто заявить о том, что он стоит на позиции классической полоролевой концепции, идущей от социологии, куда очень хорошо вписывается и гендерная концепция Столлера, в которой пол имеет социокультурные формы проявления. Всего лишь формы. В его концепции не проблематизируется вопрос происхождения этих различных форм. А вот гендерная теория задается вопросом об истоках этого различия, и это уже другая позиция в отношении исследования. И она позволяет выйти за пределы сексуальности, чего не позволяет сделать классический подход, который был предложен Столлером. В его трактовке гендер касается исключительно феномена сексуальности, и в другом контексте он не может быть анализирован. А в рамках гендерной теории – может.

Лариса Шпаковская: А вам приходилось сталкиваться с использованием слова «гендер», «гендерная проблематика» в сферах, далеких от социальных наук? Вот, например, когда гендерная проблематика некоторыми, скажем, психологами, усматривается в ответе на вопрос о том, что такое роза как художественный персонаж. Это кто: мужчина или женщина?

Дмитрий Воронцов: Роза как цветок, что ли?

Екатерина Наумова: Ну да, Лариса о цветке говорит.

Лариса Шпаковская: Конечно, вот, например, гендерная проблематика цветов – так разве нельзя будет сказать, если принять вашу логику?

Дмитрий Воронцов: Так ведь не стоит забывать, что гендер – это еще и лингвистическая категория. Даже не категория, а лингвистический термин, который определяет грамматический род – мужской, женский, средний.

Лариса Шпаковская: Но не получается ли тогда по вашей логике, что и грамматический анализ может быть назван «гендерным исследованием»?

Дмитрий Воронцов: Нет, извините! Лингвистика и социальные науки, конечно же, могут быть связаны общим термином. Но это не означает, что они используют его в одном и том же значении и с одним и тем же смыслом. Вопрос заключается в том, в каком предметном поле располагаются гендерные исследования. С точки зрения классической концепции, столлеровской трактовки, гендер в социальных науках используется только для анализа проявлений сексуальности в социальном взаимодействии. Поскольку у розы нет сексуальности, и она не включена в социальное взаимодействие как субъект, который должен проявлять свою сексуальность другим, то постановка таких проблем, о которых вы говорите...

Алла Митрофанова: А в каком году была опубликована работа Р. Столлера?

Дмитрий Воронцов: В 1968 году опубликована.

Екатерина Наумова: Хорошо, смотрите, например, Багира у Киплинга – это очень сексуальный персонаж, хотя и не человек, а зверь. Она обладает яркими признаками сексуальности. И Тигр тоже очень сексуальный персонаж в *Маугли*.

Дмитрий Воронцов: Но это вопрос языкового сознания, языкового восприятия мира автором произведения. В данном случае – это наделение животного сексуальными характеристиками, это атрибуции животному человеческих качеств, что связано с психолингвистикой, с социальной лингвистикой, то есть с вопросом о том, как и по отношению к кому используются человеческие гендерные характеристики.

Ирина Соломатина: А как же насчет того, что сейчас под гендерными исследованиями многие люди понимают исследование «про мужчин и женщин», не более. На телевидении, в псевдонаучных журналах, да иногда и в серьезных научных журналах под видом гендерных исследований подаются совершенно стандартные вещи, в которых мужчины и женщины описываются через традиционные представления. И получается, что сейчас многие люди читают научные журналы, статьи, где под гендером понимается разное. И потом журналисты пересказывают это в популярных изданиях, ведь есть феномен поп-науки (например, поп-психология). А ведь читатели не будут разбираться в методологических тонкостях. Возникает опасность, что под гендерными исследованиями большинство людей так и будут понимать совсем не то, что мы тут изучаем!

Дмитрий Воронцов: Так ведь в том то и вопрос, что именно «идет» под словом «гендер»?

Ирина Соломатина: А то и «идет», что под гендерной педагогикой, например, часто подразумевается всего лишь подведение детей под стандартное разделение поведенческих моделей: девочек – в розовое и как бы им потом рожать («мать»), а мальчиков – в голубое и им потом защищать («солдат»).

Дмитрий Воронцов: И это совершенно адекватное употребление слова «гендерная» в контексте, о котором вы говорите, – по отношению к педагогике, поскольку здесь речь идет о мальчиках и девочках в социальном взаимодействии. Здесь речь не идет о том, откуда берутся эти различия в моделях поведения. Словоупотребление «гендер», например, в немецкой литературе научной...

Ирина Соломатина: В Швеции под гендерной педагогикой подразумевается совсем другая картина мира!

Дмитрий Воронцов: Совершенно верно!

Ирина Соломатина: Но как же тогда получается? У нас под гендерной педагогикой – одно, и это считается научным, а в Швеции считается научным другое.

Дмитрий Воронцов: Вот насколько это наше понимание считается научным, я согласиться в данном случае не могу, поскольку...

Ирина Соломатина: Ну, почему? Это же публикуется в научных журналах. Вспоминая лекцию Владимира Малахова в начале Школы, критерии научности формируются сообществом. У нас в научных журналах развивается один способ аргументации социального различия полов, а в Швеции в тех же научных журналах – совершенно противоположный способ аргументации социального равенства полов. Тогда кто прав, каких ученых слушать: тех, которые в Швеции, или тех, которые у нас?

Наталья Малышева: Мне кажется проблема не в том, что слово «гендерная» (педагогика) по-разному понимается у «нас» и у «них». В немецких учебниках по гендерной педагогике, например, обязательно присутствует рубрика «Нейрофизиологические особенности головного мозга мальчиков и девочек».

Дмитрий Воронцов: Совершенно верно, просто в гендерной педагогике мальчики и девочки, обладающие биологическими различиями, полагаются социальными акторами, они не рассматриваются как биологические организмы. Как только речь идет о том, что сексуальность проявляется в некотором социальном взаимодействии (и есть такая традиция не только в русском языке; такая традиция употребления слова «гендер» существует и в европейской англоязычной науке), как только вы говорите слово «гендер», вы позиционируете не детерминистскую позицию (что из чего возникло) – вы позиционируете область исследования, связанную с социальным взаимодействием, а не с функционированием организма.

Наталья Малышева: То есть, в принципе, не важно, какими словами мы будем маркировать, описывать реальность – «пол» или «гендер», а важно – как мы будем расставлять акценты, описывая эту реальность? Если гендерная – значит, имеет отношение к воспитанию каких-то качеств у мальчиков и девочек?

Дмитрий Воронцов: Да, совершенно верно. Термин «гендер» используется для постановки акцента, что мы занимаемся не изучением физиологии мальчиков и девочек, а изучением социального поведения и взаимодействия.

Наталья Малышева: Тогда понятно, что употребление слова «пол» в учебнике по ГЕНДЕРНОЙ педагогике будет вполне уместно, если мы описываем биологические особенности. Потому что там общая логика такая: вот это в людях – природное, а вот это – социальное.

Дмитрий Воронцов: Совершенно верно. Проблема будет в том, что если мы откроем любой транскрибированный с английского языка учебник или научное пособие, мы увидим, что под словом «пол» понимается совокупность морфологических признаков, и тогда возникает вопрос: а где же здесь социальное взаимодействие? Можно, конечно, сказать, что есть такая наука – социальная психофизиология, которая пытается рассматривать социальное взаимодействие с точки зрения его детерминации со стороны биологии. И тут возникает такой вопрос: в учебниках по социальной психофизиологии иногда используется понятие или термин «гендер», но там чаще всего анализ биологических детерминант осуществляется с использованием термина «пол». Поскольку акцент делается на нервных процессах, на скорости их протекания, на каких-то эндокринных основаниях. Для того чтобы определить границу, которую не стоит переходить, в этих учебниках и используется термин «пол», то есть *sex*. Как только речь идет о проявлении этих химико-физиологических аспектов в контексте социального общения, в этом же учебнике начинает использоваться термин «гендер». То есть вот я о чем говорю. Здесь, собственно говоря, терминологическое словоупотребление позволяет отследить, в каком месте автор переходит от биологического описания сексуальности к социальному описанию сексуальности. То есть к тому, как вот эта вот надстройка (по их мнению «надстройка») социальная может быть детерминирована, с их точки зрения, биологическими аспектами, но это надстройка в их понимании – то, что дается нам в качестве внешнего по отношению к биологическому в классическом знании. И это внешнее мы как раз и можем анализировать в стереотипах. Вот вся социальная психология традиционная, она в это и укладывается – в такое понимание гендерных исследований. Вот возьмите, например, этот известный учебник по гендерной психологии Шон Берн.

Лариса Шпаковская: А зачем же нужно было все так усложнять? Был и есть термин «полоролевой», зачем еще «гендерный» добавлять?

Дмитрий Воронцов: Вот именно, что нужно было! Слово «полоролевой» возникло до постановки проблемы Робертом Столлером.

Лариса Шпаковская: Ну как же, разделение всегда было: есть социальные роли, есть – биологические.

Дмитрий Воронцов: Нет, речь не об этом!

Лариса Шпаковская: Ну как не об этом? Есть термин такой – «социальный пол». Зачем тут еще один особый термин – «гендер»?

Дмитрий Воронцов: Да. Есть такая позиция, она артикулируется, как вам известно, Сергеем Ушакиным. С его точки зрения, термин «гендер» является

абсолютно лишним: как бы нарушается принцип достаточного основания. Но здесь возникает вопрос уже другого рода: какие коннотации со словом «пол» возникают у людей, которые читают русскоязычный текст? Отраженное в представлениях биологическое начало? Или что? Это та же самая проблема, которая была у Мани с его психологическим полом. Он тоже использовал этот термин. Возникает вопрос тогда: что это вообще такое – «психологический» пол?

Ольга Плахотник: А как тогда быть, если есть конкуренция? Если есть одна позиция или одна вакансия?

Дмитрий Воронцов: На гендерного исследователя, или на гендериста? В университете?

Ольга Плахотник: Да. Вдруг будут на одно место «гендерный исследователь» претендовать несколько ученых с разными методологическими основаниями?

Дмитрий Воронцов: Это решает, как вы понимаете, заведующий кафедрой, который определяет тематическое направление работы кафедры. (*Общий смех в зале*). Он и возьмет того исследователя, который соответствует его представлению о гендерных исследованиях.

Ольга Плахотник: Ну, я опять хочу обратить внимание на прикладные аспекты. Есть различные варианты воздействия гендерных исследований на политику. В частности, например, похоже, что Украина идет в этом направлении: здесь все четко определено, в гендерной политике доминирует дискурс равных прав и возможностей, это строго феминистский дискурс. Это моно-вариант гендерной политики. А есть поли-варианты, например, противоречивый белорусский вариант гендерной политики, где одновременно есть программа установления гендерного равенства в конструктивистском ключе, и в то же время есть программа гендерного воспитания, где все прописано в полоролевом подходе: готовить мальчиков к роли «мальчиков» – защитников Отечества, а девочек готовить к другому. Возникает такая ситуация «тяни-толкая».

Дмитрий Воронцов: Это дисфункциональная социальная система.

Ольга Плахотник: ОК, в Беларуси, наверное, в этом смысле всем исследователям хорошо – у них просто разные позиции в поли-вариативном пространстве. А если вот украинские исследователи напишут, например, научную работу по той же науке педагогике в рамках полоролевого подхода, и там будет раздел у них такой – рекомендации, вытекающие из исследования. И они напишут, что мы рекомендуем в плане гендерного воспитания военное обучение для мальчиков, а для девочек – уроки бальных танцев, игры на рояле, умения надеть платье и еще что-нибудь такое. Как это будет выглядеть в рамках моно-вариантной гендерной политики той же Украины?

Дмитрий Воронцов: Во-первых, это вопрос ценностных оснований социальной системы, которая востребует те или иные методологии в качестве ключевых. Если в некотором государстве политическая система выстраивается

на каком-то ценностном основании, тогда и возникает вопрос: какая из наук будет востребована этим государством, а какая будет «зажиматься»? Это ситуация, на мой взгляд, именно постсоветских государств, в которых преобладает политика, ориентированная на актуальные моральные ценности. А может быть и другая политика – *evidence based* или *knowledge based policy*, то есть политика, основанная на доказательном знании, а не на моральных постулатах. В рамках такой политики те или иные методологии кладутся в основу для написания законопроектов и их утверждения не с точки зрения какой-то одной монолитной концепции, которую, например, КПСС или «Единая Россия» утвердила или считает в качестве правильной, потому она их ценностям отвечает. А с точки зрения доказанности этой концепции для вот этого случая на практике. Вот это и отсутствует и в Беларуси, и в Украине, и в России, поскольку здесь наука выполняет совсем другие функции: обслуживающие. А пока она выполняет обслуживающие функции, этот спор не имеет никакого смысла.

Алла Митрофанова: В общем, понятно. Тридцать лет люди работали, чтобы установить новую категорию и дать ей новое содержание. Это был очень сложный тяжелый творческий конфликтный процесс. И вот сейчас мы можем выбрать уже это новое содержание, взять модное слово, расширить его до бесконечности и записать в него все то же самое, что мы имели. И совершить такое предательство. И дальше поставить эту науку на службу...

Дмитрий Воронцов: Ваш вывод совершенно не вытекает из моего тезиса, поскольку вопрос был поставлен таким образом: мы можем находиться в этом семантическом пространстве понятия, другие могут находиться в другом семантическом пространстве, которое каждый для себя определяет. Проблема заключается в том, что мы, феминистски ориентированные исследователи, не можем монополизировать термин, который имеет двойное хождение. Он исторически имеет двойное хождение, двойное понимание. Он не приписан исключительно к феминистской теории, поскольку история его возникновения связана отнюдь не с феминизмом! (*Возмущенный шум в зале*). В феминизме термин «гендер» развился до понимания его в качестве социальной категории. Если вы возьмете исследования в рамках сексуальности, базированные на теории Столлера, то слово «гендер» в качестве узкого термина имеет там такое же широкое хождение.

Ирина Соломатина: Дима, вы, по-моему, противоречите «новой» истории. Мне кажется, что как раз таки гендерные исследования возникли на базе переосмысления женской истории и феминизма, понимаете. Да, термин возник не в феминизме, ради бога, пусть он и в других дисциплинах существует, но его теоретическая востребованность (гендер как полезная категория исторического анализа!) развилась именно там, чтобы осмыслить, в том числе, и кризис в женском движении. И затем пошло «нарастание». Понимаешь, это понятие по-разному использовалось.

Дмитрий Воронцов: Правильно, а если вы вспомните историю возникновения самого понятия «гендерные исследования», то это была адекватная политическая замена лейбла «феминистские исследования», чтобы не быть «красной тряпкой» для быка в виде академической общественности. Тут возникает большой вопрос, насколько гендерные исследования изначально развивались в рамках феминизма. (*Возмущенный шум в зале, реплики*). Потому что есть такая точка зрения, что, попадая в академическую среду, теоретики феминистского движения для того, чтобы в ней институционализироваться, должны были использовать какой-то нейтральный термин. Но тогда и возникает поставленный мною вопрос. Извините, если вы называете феминистские исследования гендерными исследованиями (а не наоборот), это неизбежно тянет за собой, как паровоз вагоны, и всю ту остальную часть, которая использует термин «гендер», но в другом контексте. Тогда нужно определиться: или вы феминистские исследования осуществляете или гендерные исследования – а это более широкое поле. И есть такой журнал, например, *Феминистская психология*. Ничего в нем страшного, казалось бы, нет. Но наша научная библиотека его категорически не выписывает, а как только возникает в названии слово «гендерная», они тут же выписывают такой журнал. Понимаете, в чем вопрос? Можем ли мы называть честно свои исследования именно только феминистскими? Если гендерные исследования исторически развиваются в рамках идеи осмысления феминизмом своего движения, то возникает следующий вопрос: я не занимаюсь феминистскими исследованиями, я не осмысливаю женское движение. Но я занимаюсь гендерными исследованиями.

Олег Аронсон: А у меня в этой связи вопрос – а в науке термины воровать можно?

Дмитрий Воронцов: Термины не воруются, термины могут (и есть такой лингвистический оборот) «заимствоваться». (*Общий смех в зале*). Например, как калоши... (*Общий смех в зале*).

Олег Аронсон: Но фактически вы утверждаете, что термин был уворован....

Дмитрий Воронцов: Нет, почему уворован? (*Общий смех в зале*). Термин был заимствован, поскольку он был очень эвристическим для описания того движения, которое проповедовало, или там утверждало, равенство прав и возможностей. Это был очень удобный термин для его теоретического осмысления.

Ирина Соломатина: С другой стороны, этот же термин сейчас содержательно получил совсем другое наполнение на государственном уровне, когда гендерные исследования стали институционализироваться у нас на постсоветском пространстве.

Дмитрий Воронцов: Правильно, и тогда возникает вопрос: откуда такая ревность гендерных феминистских исследовательниц и исследователей? (*Возгласы из зала: «Почему же ревность?!»*) Ревность! Поскольку она связана с

тем, что если бы так и осталось в рамках академической науки не гендерные исследования, а феминистские исследования, тогда было бы все более прозрачно и ясно.

Олег Аронсон: Я вам отвечу, почему нельзя было оставлять «феминистские исследования», просто невозможно! Да, у меня есть версия на этот счет. Потому что если оставлять понятие «феминистские исследования», то это звучит слишком вызывающе.

Возгласы из зала: Да ну! Бросьте!

Дмитрий Воронцов: Совершенно верно!

Олег Аронсон: Потому что это тогда – против мужчин. А гендерные исследования включают и мужчин. Поэтому термин «гендерные исследования» – это их, феминисток, попытка позволить таким мужчинам, как вы, глумиться над ними. (*Общий смех в зале*).

Дмитрий Воронцов: Ну, это, Олег, ваша точка зрения. (*Смех и аплодисменты в зале*). Нет, я к этому замечанию никак не отношусь. Я просто для себя отвечаю на вопрос: оказывается, что можно использовать термин «гендерные» как синоним «феминистские», но тогда будет тот же самый феномен, что наблюдается и в отношении гендер/пол. То есть можно использовать гендер как синоним пола, а здесь получается «гендер» как синоним «феминистки». Тогда возникает вопрос: а чем вы отличаетесь от «феминисток»? Или чем мы все здесь вообще отличаемся?

Ирина Соломатина: Если я правильно понимаю тебя, то мы не можем ставить вопрос «или-или»: мы должны говорить, что и то, и это есть «гендерные исследования». Но нет ли тогда вероятности, что оба эти направления – феминистское и классическое – сольются? Можем ли мы вообще говорить о возможности их слияния?

Дмитрий Воронцов: Правильно, не можем так ставить вопрос – «или-или». С моей точки зрения, они никогда не сольются. Для этого нет оснований – ни теоретических, ни методологических.

Олег Аронсон: Есть такой термин в философии, введенный заново в науку Делезом и взятый им из физики, – «сингулярность». Ну, там он свои вещи решает с его помощью, свои задачи. Все хорошо там у него получается, все нормально, традиция такого словоупотребления термина идет от Дунса Скотта. Но есть определенные термины в физике, которые никогда не сойдутся, не могут сойтись с тем, как их Дунс Скотт употреблял. И когда человек, который знает эти термины из физики, встречает эти термины в текстах Делеза, у него реакция примерно такая же, как ваша: как же Делез может не знать, как в физике этот термин используется? В физике еще в 20-е годы стали использовать термин «сингулярность», а он опять про какую-то сингулярность, которую он у Дунса Скотта якобы «откопал». Но это два разных слова.

Дмитрий Воронцов: Это замечание не по адресу, поскольку в данном случае, по вашей аналогии, термин «гендер» является лингвистической категорией анализа, которую кто-то использует в другом значении. А я сразу сказал, что мы рассматриваем научную историю термина или категории «гендер» только в рамках социального анализа, а не сравниваем, как он рассматривается в разных научных дисциплинах. И он в социальном анализе был введен сначала именно как термин для обозначения аспектов сексуальности. И лишь затем уже пошло его развитие. То есть в данном случае сравнение с физикой, пример сравнения физики и той науки, о которой вы сказали, – философии – некорректный.

Жанна Чернова: Вот у нас недавно была дискуссия, и я полностью согласна с Олегом Аронсоном, что мы можем сколько угодно долго договариваться о терминах, которые мы используем, мы будем договариваться вечно и никогда не придем к согласию. На самом деле о том, что такое гендер для социологии или культурологии написано уже очень много. Люди, которые этим занимаются, знают на самом деле, с чем идентифицироваться: то ли с Парсонсом, то ли еще с кем. Содержание термина давно уже знакомо, поэтому мне не понятна эта проблема: зачем мы будем решать, что есть гендер («истинный гендер»), и что такое «настоящие» гендерные исследования, а что – «не настоящие», кто «хороший» гендерный исследователь, кто «нехороший».

Дмитрий Воронцов: Жанна, проблема заключается в другом: мы не обсуждаем здесь истинное содержание слова или категории «гендер»: здесь речь ведется о реально существующей практике поиска предметного поля или, допустим, терминологического значения для словосочетания «гендерные исследования». Возникла проблема, которая артикулирована многими исследовательницами, в том числе из дискуссионного списка ХЦГИ, что вот *нашу* предметную дисциплину «гендерные исследования» размывают. Эту проблему не я сейчас поставил, эта проблема артикулируется практически всеми исследовательницами этого списка, поэтому именно ...

Жанна Чернова: А что – эта проблема нова? Я думаю, что эта проблема существует уже давно. Кто только и что только не называет гендерными исследованиями и в социологии, и в психологии, да где угодно.

Дмитрий Воронцов: Конечно! Это же и дало повод к названию нашего круглого стола!

Наталья Малышева: Мне кажется, что проблема возникает внутри самих гендерных исследований. С одной стороны, гендерные исследования декларируют определенный плюрализм, определенную открытость новым идеям и т.д. И при этом в качестве реальности этих исследований мы сталкиваемся с тем, о чем вот Жанна сейчас сказала: гендерными исследованиями называют что угодно. Для меня в этой дискуссии как раз была интересна позиция, как к этому можно относиться – к такому многообразию того, что люди называют гендерными исследованиями, как это по-разному можно интерпретировать. Мне как

раз и была непонятна идея методологических оснований, почему и те, и другие исследования называют «гендерными». Для меня основная проблема как раз кроется в том, что на данный момент выносятся за рамки обсуждения: почему я использую термин в одном значении, а другие исследователи – в другом? Для меня вот и интересно, какая логика у других исследователей называть то, что они делают, «гендерными исследованиями»?

Олег Аронсон: Мне кажется, что это не проблема науки вообще, а скорее проблема науки и бюрократии. Или даже проблема борьбы за власть. Потому что, на мой взгляд, если человек, допустим, не использует слово «гендер» вообще, он также может совершенно спокойно работать в рамках гендерных исследований, потому что важна научная проблема, которую он затрагивает и хочет решать, а не тот факт, использует он или не использует, или почему-то неправильно использует этот термин («гендер»). Вопрос о том, что он предлагает в науке и какие задачи решает. Если он совершает ошибки в употреблении терминов, но его исследовательские результаты доступны для понимания того, чем он занимается, и достойны, чтобы мы считали его ученым, то ничего страшного. А если мы будем его за эти ошибки в словоупотреблении исключать из своей научной области...

Дмитрий Воронцов: Насколько я понимаю, из того выступления, которое было предложено мной, такая логика и не следует: я не говорил ни о каком наказании! Речь вообще не идет о том, какой термин правильный, а какой – неправильный, какое употребление правильное, а какое – неправильно. Моя речь заключалась именно в подчеркивании этого.

Олег Аронсон: Нет-нет, я не говорю, что именно вы об этом говорили, я говорю о постановке самой проблемы. А именно о том, что слово «гендер», термин «гендер», оказывается, вызывает какие-то научные споры. Мне вообще кажется, что если люди используют те или иные термины, а тем паче понятия, то так или иначе, в контексте их использования, мы понимаем, как именно они их используют. Если же из текста мы не можем понять, как человек использует то или иное понятие, значит, он его неправильно употребляет, значит, этот текст – слабый.

Дмитрий Воронцов: Совершенно верно, об этом же и речь ведется, и тема круглого стола задана! Проблема не в том, «правильно» или «неправильно» – ведь именно об этом я и говорю все время. Я имею в виду вот что: допустим, приходит на гендерную секцию какой-нибудь там доктор-профессор и начинает задавать вопросы докладчику, что это такое – гендер, гендерные исследования. И здесь проблема не в профессоре, задающем такие вопросы, а в том, что сам выступающий за трибуной, то есть человек, представляющий доклад, оказывается сраженным такими вопросами из-за отсутствия рефлексии: чем он занимается. Пол есть предмет его исследования или гендер? Категория это или все-таки какой-то термин? В нашем случае сегодня – это не дискуссия о научных терми-

нах, а дискуссия о некоторой практике словоупотребления, которую мы начали для того, чтобы инициировать процесс, с одной стороны, (для кого-то из здесь присутствующих) саморефлексии («пусть я об этом никогда не задумывался, но теперь задумался»). А с другой стороны, круглый стол – это возможность обсудить позиции самих участников в отношении заявленного феномена.

Ольга Плахотник: Дима, я хотела сказать, что, в принципе, мне очень импонирует ваша позиция. Я солидарна с вами в том смысле, что необходимо выстраивание определенных границ, развитие четко определенных дискурсов для преодоления той тенденции к риторизму, которая в гендерных исследованиях сегодня, так или иначе, складывается. Меня смущает один момент. В частности, тот, что научное поле может быть сколь угодно плюралистичным. И это даже хорошо, это даже лучше, чем если бы оно было гомогенным. Но каждое исследовательское поле, так или иначе, имеет практический выход. В конечном итоге. Практикам, как правило, нужно дать однозначный ответ. Как правило, нужно дать абсолютно однозначное понимание практики, которой они занимаются, и однозначные рекомендации. Вот, к примеру, госслужащий, который отвечает за реализацию «гендерной политики». Вот он планирует мероприятия на год. Он пришел к экспертам в гендерных исследованиях. Перед ним сидят два эксперта, и он спрашивает: вот что бы мне такого провести, чтобы это была «гендерная политика»? Один эксперт предлагает: «Проведи конкурс «Юная леди», «Юный джентльмен» и «Сельская женщина года». А другой эксперт ему говорит: «Нет, это все не так. Это все не правильно. Нужно провести исследование и изучить, какие посты занимают женщины в государственной системе, сколько они зарабатывают, профессиональную структуру в этой группе, чтобы побольше женщин могли представить свои интересы во власти». И госслужащий выбирает: сделать то или это. Потому что если он будет делать и то, и другое, то это будет просто несовместимо!

Дмитрий Воронцов: Ольга, я понял. Я могу сказать только одно, что любой чиновник выберет то, что соответствует ценностям системы. Что бы я, как эксперт, не советовал, он выберет из разных мнений только то, которое его устроит.

Маргарита Гудова: А мы изменяем ценности!

Дмитрий Воронцов: Я приведу пример. Я как эксперт федерального окружного центра по профилактике и борьбе со СПИДом давал экспертное заключение на концепцию полового просвещения в школах, разработанную Российским Министерством образования и науки. Заключение было резко отрицательным. Но нашлись и другие эксперты, ведь экспертная оценка предполагает как минимум трех человек. Проблема заключается в том, что если брать прикладные аспекты любого научного дискурса, то этот дискурс может быть реализован в каких-то конкретных прикладных действиях только в том случае, если сами властные структуры готовы слушать ту или иную сторону этого пред-

метного поля. Если они к этому не готовы, то, что бы мы им не говорили, они не будут этого делать.

Алла Митрофанова: А что, она с неба падает – эта «готовность»?.. На мой взгляд, когда возникает такая поливалентность в употреблении термина, то термин явно «не созрел». В нем, как мы можем сегодня видеть, явно обнаруживается нехватка содержания этого термина, что предъявлено во всех социальных дисциплинах, которые мы здесь представляем.

Но мы, тем не менее, им пользуемся. Хотя мне всегда не нравился этот термин. Мне кажется, что в нем не хватает лингвистически-философского обоснования. Я вообще не понимаю, куда его «возводить». Если его возводить к греческим корням, то «род» будет «гендером», а «вид» будет «человеком». Тогда, соответственно, можно добавить какие-то видовые различия. Что-то такое. Ну, в общем, это какой-то безумно взятый термин англосаксонский, ведь у них грамматика не гендерная, соответственно, для них этот термин может представлять какой-то такой экстравагантный интерес. Если «возводить» этот термин к психоаналитическим корням Р. Столлера, мы должны удерживать психоаналитическое содержание. И дальше в этой непонятной ситуации возникает вопрос об этике исследователя: обязан ли он «удерживать» содержание, близкое ей или ему, или он/а может его просто *продать* (в зависимости от того, есть госзаказ на это или нет и пр.) и не настаивать на нем? И тогда, если мы не придерживаемся вот этой феминистской критики, если мы не боремся за свой предмет, за свою проблематизацию гендерных исследований, тогда чего мы вообще стоим с этической точки зрения? И вообще – о чем речь?

Дмитрий Воронцов: Но ведь вопрос не о том, что вы «не боретесь». Напротив, вы отстаиваете тот спектр употребления словосочетания или понятия, которого именно вы придерживаетесь. И исключаете при этом другой спектр. Ведь в этом проблема заключается?

Олег Аронсон: Проблема в том, что можно и не «отстаивать».

Дмитрий Воронцов: Можно! В том-то и вопрос: можете отстаивать, можете – нет, однако это уже вопрос из другой области.

Алла Митрофанова: Нет, это вопрос этики впрямую: *как* мы отстаиваем свое поле.

Олег Аронсон: Если просто «отстаиваете», то это аморально, а если «не отстаиваете», то все нормально тогда. На мой взгляд. С точки зрения этики. Дайте возможность и *другим* пользоваться этим «гендером».

Жанна Чернова: Ну, здесь надо тогда вспомнить известную фразу Джоан Скотт «Гендер как полезная категория анализа». Но в другом смысле: всем полезная, пусть потребляют.

Дмитрий Воронцов: Именно полезная.

Светлана Шакирова: Тогда получается, что это просто полезная категория потребления.

Олег Аронсон: Да, там гранты получать и т.п. . . .

Дмитрий Воронцов: Ну, это одна из точек зрения.

Ирина Соломатина: Говорили уже обо всем подряд, а все никак не определимся. В Беларуси, например, все уже знают, что такое гендер. «Как бы» знают. Потому что у нас все время осуществляют информационное просвещение: книжки, брошюры печатают всякие на эту тему, гендерные анализы проводят. Даже национальные «планы по утверждению гендерного равенства» принимают (уже вот третий). Но под этим понимают то, что Игорь Семенович Кон обозвал на днях псевдо-гендерной педагогикой. У нас под видом гендерного равенства понимается следующее: мальчиков готовить служить в армии и Беларусь защищать, а девочки должны рожать, т.к. в стране демографический кризис. И все это называется «гендерная политика».

Дмитрий Воронцов: Правильно, есть и такая позиция! Одна из!

Ирина Соломатина: И в то же время в Литве существует центр (*Center for Equality Advancement*), целью которого является просветительская работа с лидерами женского движения и консультирование политических организаций. И им удалось во время выборов объединить значительные силы для выдвижения и поддержки женщины-Президента, а вот сейчас у них разочарование и происходит размежевание. Именно потому, что женщина-Президент пришла, но принесла с собой совершенно традиционные идеи. И никто не думал, что так обернется: ведь это уже ЕС, у них там единая судебная система и политика, все рассчитывали, что вот все хорошо будет. Но нет! И вот участницы этого центра теперь вынуждены размежеваться со многими женскими НГО и партиями, и они не согласны с политикой, проводимой Далею Грибаускайте (женщиной-Президентом). Они не хотят принимать участие в пропаганде традиционной модели семьи, где женщины – рожают, а мужчины – зарабатывают.

Дмитрий Воронцов: Ну, вот мы и пришли к той самой ценностной системе, которая лежит в основании политики. На каких ценностях система функционирует, тому она и дает предпочтения. Той гендерной модели.

Маргарита Гудова: Если вы апеллируете к ценностям, то, собственно, чем занимаются гендерные исследования – если рассуждать в таком конструктивистском ключе? Они изменяют ценности.

Дмитрий Воронцов: Я про то, что есть прикладные аспекты научной дисциплины, которые опираются на ценности политической системы, а есть сама научная дисциплина, и там совсем другая ситуация. Я вот предложил бы это разделять: не нужно связывать жестко науку с ее прикладным использованием.

Маргарита Гудова: Они связаны, тем не менее!

Дмитрий Воронцов: Они связаны не естественным образом, они связаны внешним образом.

Ирина Соломатина: Как бы в Литве ни старались продвигать идею традиционалистскую, если они хотят быть в ЕС, они будут вынуждены использовать феминистские идеи.

Дмитрий Воронцов: Ну, будут! Тогда у них будет рекрутирована властью другая наука. Вот в этом и, собственно, ответ.

Ирина Соломатина: Да, там ценности остались прежние, как ты и говоришь, но так как они в ЕС вступили, им придется эти ценности менять, там идет трансформация ценностей.

Дмитрий Воронцов: Правильно, для изменения ценностей нужен властный ресурс. Совершенно верно. Да. Но этот процесс не будет связан с научными исследованиями в этой стране.

Женский голос: Это будет влиять на научные исследования!

Дмитрий Воронцов: Это будет влиять на количество научных исследований, проводимых теперь уже в феминистской парадигме.

Наталья Малышева: Еще у меня есть вопрос. По поводу методологического разнообразия подходов к гендерным исследованиям. Когда я занималась своей кандидатской, то меня особенно удивляло, что в разных источниках под гендерным исследованием понимается совершенно противоположное. И у меня была проблема в выборе позиции, своей точки зрения. Мне удалось в этом разобраться, для себя я как бы решила эту проблему. Но как преподаватель я хочу донести до студентов свою позицию, сформировать у них определенное понимание. Но вот те студенты, которые не посещали моих лекций, а прочитали ряд учебников, названных *Гендерная психология*, то они потом на экзамене такое говорят... Они же не могут сами разобраться в том, на каких методологических основаниях построен тот или иной текст, который они читают. Я понимаю, что гендер может по-разному трактоваться. Но как тогда формировать вот эту позицию методологического анализа?

Олег Аронсон: Методологический анализ и не всякий ученый может выполнить...

Дмитрий Воронцов: Задача студента – научиться искать и находить необходимую информацию по заданному вопросу, а вот нашел ли он ее в полном объеме, или он нашел только один источник – это тоже критерий оценивания. «Вы не нашли другого значения термина» – вот это и есть критерий оценки. Не следует от бакалавра, например, требовать умения осуществлять методологический анализ. Это не его компетенция, это компетенция магистра.

Наталья Малышева: Тогда преподаватель и должен как раз представить полную картину состояния дел в дисциплине.

Ирина Соломатина: Да, вот в Европейском гуманитарном университете так и делают, студентам говорят: вы читаете только это, это и это. Только когда вы все это прочитаете, можно читать все остальное. Сразу дается какая-то такая «правильная» литература.

Наталья Малышева: Не есть ли это диктат, подавление свободы студента?

Дмитрий Воронцов: Нет, это ориентировка в той самой системе ценностей. Я, как преподаватель, транслирую вот эти ценности. Свобода студентов хороша тогда, когда у них есть ориентиры.

Ольга Плахотник: Мне кажется очень важным то, что Дима сегодня говорил. Я полностью согласна с таким вот разведением методологии. Я поняла, что и другие тоже могут заниматься гендерными исследованиями на своих позициях, и я теперь буду более терпимо к ним относиться.

Дмитрий Воронцов: Хорошо хоть есть такой терапевтический эффект.

Ольга Плахотник: И так сложилось, что каждому есть место – и мне, и другим, и зря я переживала. У меня даже изменилось отношение внутреннее. Прямо психотерапия.

Олег Аронсон: Может быть, Дмитрий и проводил этот круглый стол для психопомощи.

Наталья Загурская: Хорошо, чтобы в начале каждой статьи было прописано: у меня вот гендер – то-то и то-то, тогда было бы все понятно: читать мне ее дальше или не читать.

Дмитрий Воронцов: Наталья, в культуре написания научных статей, как мы уже слышали на этой Школе, первая треть любой статьи в англоязычном журнале – это описание предметного поля, то есть в каком поле я собираюсь работать, и только потом – про свои исследования.

Светлана Шакирова: Дмитрий, а вы разделяете взгляды феминистской теории?

Дмитрий Воронцов: Да, разделяю, я ее везде пропагандирую. В том смысле, что я не испытываю агрессии в отношении тех, кто ее не разделяет. Раньше я испытывал, да, у меня было такое, но это было до недавнего времени. А теперь я разделяю эту позицию: они могут быть гендерными исследователями, я могу с ними пересекаться на любой конференции, потому что я от них отстаиваюсь.

Светлана Шакирова: От них – это от кого?

Дмитрий Воронцов: Тех, кто стоит на классической полоролевой гендерной позиции. Я теперь с ними могу находиться на одном пространстве, я их не воспринимаю как конкурентов.

Наталья Малышева: Как я поняла, у них – у Димы с Ольгой Плахотник – сначала было агрессивное неприятие тех, кто не разделяет феминистских позиций, а потом с ними что-то произошло...

Дмитрий Воронцов: А потом произошло вот это вот осмысление: я подумал, надо же с этим разобраться. Например, я когда ездил в Краснодар на гендерные семинары, организуемые Людмилой Ожиговой, то там вообще известного нам с Анной Гнедаш коллегу из Астрахани не мог спокойно слушать. А он позиционирует себя как гендерный исследователь маскулинности, пишет там всякие статьи и даже книги, и, по крайней мере, это все выходит под названием

«гендерные исследования». И Люда Ожигова из Кубанского университета его публикует в своих гендерных сборниках, хотя она стоит на других позициях.

Олег Аронсон: Может, проблема в том, что у вас достаточно узкая область исследований.

Дмитрий Воронцов: Вполне может быть.

Олег Аронсон: В любой другой области гуманитарного знания, допустим, философии или культурных исследованиях, там столько всего пишется, что...

Дмитрий Воронцов: Совершенно верно, поскольку философия и культурные исследования, по большому счету, не являются строгой наукой.

Олег Аронсон: А гендерные исследования являются, по-вашему, строгой наукой?

Дмитрий Воронцов: Поскольку название стола – «Гендерные исследования чего бы то ни было», оно предполагает, что гендерные исследования могут проводиться, в том числе, и в рамках науки, в рамках строго ограниченной научной области.

Жанна Чернова: Да ладно! Что, бывает «строго ограниченная научная область»?

Дмитрий Воронцов: Почему бы и нет?

Олег Аронсон: Нет никакой строгой науки.

Дмитрий Воронцов: Ну, я имею в виду строго очерченную область науки. Строгая наука не в плане строгости доказательств. Не в этом смысле. Строгость в плане определения ее границ – и все.

Олег Аронсон: Вы только что нам рассказали, что «гендерные исследования» не строги в самом своем определении.

Дмитрий Воронцов: Они не строги как некоторая реальность, общее поле, но вы-то находитесь в определенном строгом месте своего исследовательского поля: как отдельный человек-исследователь.

Олег Аронсон: А если я вот не хочу находиться в каком-то «строгом месте», то можно мне там и не находиться?

Дмитрий Воронцов: Да, можно. Ведь в самом начале нашего разговора я и предложил придерживаться позиции, что в нашем поле нет строгой бинарности, нет исключаящего разделения на истинное и не истинное, правильное и неправильное. Есть разночтение, полифония интерпретационных моделей гендерного исследования. Есть феминистские, есть нефеминистские, но при этом – все-таки гендерные исследования. Напомню: я предлагал просто отнестись каким-нибудь образом к предметному полю гендерных исследований, высказать личные позиции. А это и есть личное определение своего места в этом пространстве. Волей-неволей, каждая участница и участник нашего круглого стола был вовлечен в такой процесс самоопределения. Что и позволяет мне заключить о достижении заявленной цели и завершить нашу работу. Спасибо всем!